

УДК 343.051

Т.В. Федорук

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕТОУБИЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье анализируются спорные моменты, возникающие при квалификации убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Предлагаются критерии по разграничению покушения на детоубийство и оставления в опасности, раскрываются особенности квалификации оставления в опасности новорожденного в зависимости от вида бездействия, предложены правила квалификации для правоприменительной деятельности.

Введение

В юридической литературе термин «детоубийство» употребляется в двух значениях. Под детоубийством в широком смысле понимается убийство малолетнего ребенка любым лицом. В узком смысле под указанным термином понимается умышленное лишение жизни матерью своего новорожденного ребенка во время родов или непосредственно после них в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Именно в этом значении детоубийство является предметом специального обозначения в уголовном законе (ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь; далее – УК) и в данной статье.

Несмотря на то, что такой привилегированный состав убийства, как лишение жизни матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации существует с 2001 г., толкование диспозиции статьи до сих пор неоднозначно. В связи с этим считаем необходимым затронуть важные аспекты разграничения данного состава убийства при смягчающем обстоятельстве от других преступлений против человека.

По нашему мнению, детоубийство может быть квалифицировано по ст. 140 УК в том случае, если оно было совершено в момент начала физиологических родов, во время второго родового периода – изгнания плода, когда он начинает прохождение по родовым путям, – или в период отделения ребенка от тела матери и начала его самостоятельной жизни.

Такое определение, предложенное автором ранее, дает нам четкие критерии отграничения убийства от аборта: если лишение жизни происходит внутриутробно до момента начала родов вне зависимости от степени зрелости плода, то это аборт; если же такое деяние совершается после начала родов (родовых схваток), когда ребенок начал прохождение по родовым путям, или же непосредственно после его рождения, то это убийство [1, с. 53–54]. Не менее важной является проблема разграничения детоубийства и оставления в опасности.

Квалификация оставления в опасности и детоубийства в дореволюционном уголовном праве

Как известно, уголовное право Российской Империи было развито настолько, что некоторые дореволюционные наработки, сознательно отвергнутые в советскую эпоху, воспроизводятся практически в первоизданном виде в российском и белорусском уголовных кодексах. Так, дореволюционные ученые-правоведы институт оставления в опасности часто связывали именно с детоубийством. Детоубийство в данном случае выражалось в умышленном умерщвлении ребенка путем бездействия и отличалось от оставления в опасности лишь характером умысла. Например, если женщина остав-

ляла своего незаконнорожденного ребенка в лесу, понимая, что он может погибнуть, она несла ответственность за детоубийство, а не за оставление в опасности. Аналогично квалифицировались действия матери, оставившей ребенка в лесу в том месте, где его не могли найти [2, с. 145–148].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1903 г. (далее – Уложение) была выделена специальная глава «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему», где в числе прочих указывалось подкидывание или оставление где-либо малолетнего ребенка в возрасте до 7 лет, соединенные с опасностью для его жизни. Такая квалификация была возможна, когда у матери не было намерения лишить жизни ребенка. Преступное действие во всех этих случаях осуществлялось в двух формах: в умышленном и заведомом оставлении лица в месте или состоянии, в котором его жизнь могла подвергнуться опасности.

Преступление считалось оконченным, как только из обстоятельств дела усматривалось, что мать оставила новорожденного в опасном положении и была безразлична к возможным последствиям. Наступление смерти могло стать основанием квалификации содеянного как убийства лишь тогда, когда виновная допускала возможность ее наступления. В остальных случаях оставление в опасности могло применяться в совокупности с убийством, если последствиями действий виновного была смерть потерпевшего [3, с. 59–60].

В Уложении фигурировало несколько статей, предусматривающих наказание за оставление в опасности детей. Ответственность же матери за подкидывание или оставление ребенка, имеющего менее трех лет от рождения, в таких местах, где нельзя было ожидать, что он будет найден другими, предусматривалась статьей 1513.

Кроме того Закон отдельно регулировал наказание за оставление детей в местах, где их могут обнаружить другие люди (статья 144 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), и местах, где нельзя было ожидать, что их обнаружат (статья 1513 Уложения). Чтобы понести наказание по этим статьям, мать должна была произвести такие действия тайно, а ребенку должна была угрожать опасность (например, мороз).

Детоубийство и оставление в опасности в УК Республики Беларусь

Классификация различных видов оставления в опасности в уголовном праве Российской Империи на практике позволяла легко отграничить данный вид преступления от убийства новорожденного, чего, к сожалению, нельзя сказать о современном белорусском законодательстве. Четких критериев разграничения убийства и оставления в опасности пока не выработано.

Так, некоторые авторы утверждают, что детоубийство может быть совершено только действием, поскольку бездействие само по себе не разрушает, не уничтожает, не причиняет вреда. Бездействие не причина наступления вреда, а всего лишь его условие, поэтому несовершение действий, обязательных для сохранения жизни новорожденного, образует состав оставления в опасности. Данная точка зрения, по нашему мнению, является весьма спорной по нескольким причинам.

Как показывает изучение уголовных дел, некоторые детоубийства совершаются именно путем бездействия, т.е. путем неоказания ребенку необходимой помощи, направленной на сохранение его жизни. Это так называемое «пассивное» детоубийство. В данном случае необходимо различать неоказание помощи как способ убийства и неоказание помощи как результат действия внешних или внутренних обстоятельств, не состоящих в причинной связи со смертью новорожденного, а значит, исключающих уголовную ответственность роженицы (например, потеря сознания вследствие сильной кровопотери во время родов).

Необходимо отметить, что законом (ст. 32 Конституции Республики Беларусь

и ст. 65 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье) на мать возложена обязанность заботиться о жизни и здоровье детей. Что является составляющим данной обязанности в рассматриваемом случае? Это забота матери о предоставлении новорожденному в первые же минуты жизни питания, одежды, тепла, оказание ею необходимой неквалифицированной медицинской помощи либо обращение за помощью к знакомым, близким, находящимся в такой момент рядом, а также вызов соответствующего специалиста. Все это может осуществить любая женщина, даже не имеющая навыков обращения с новорожденными.

Достаточно сложной является квалификация случаев оставления в опасности новорожденных и отграничение их от покушения на убийство. Так, в Информационном письме заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 марта 2003 г. «О недостатках в правоприменительной практике и прокурорском надзоре по уголовным делам по материалам об оставлении в опасности (ст. 159 УК)» отмечено, что в отдельных случаях, когда имеет место оставление в опасности матерью новорожденного ребенка, неоднозначно квалифицируются по ч. 2 и ч. 3 ст. 159 УК практически аналогичные действия виновных [4].

В частности, по приговору суда г. Орши и Оршанского района от 25 февраля 2002 г. обоснованно осуждена по ч. 3 ст. 159 УК гражданка М., которая бросила в неотапливаемом тамбуре электропоезда своего новорожденного ребенка, тем самым поставив его в опасное для жизни состояние и оставив без помощи. В то же время по факту аналогичных действий неустановленной женщины, подбросившей жизнеспособного новорожденного ребенка в картонной коробке к контейнеру для мусора, уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 159 УК [4].

По нашему мнению, решающим фактором при разграничении этих преступлений будут являться такие признаки объективной стороны, как место, время и обстановка совершения преступления, осознание виновной противоправности совершаемых деяний и желание либо нежелание наступления общественно опасных последствий. Так, если виновная оставляет ребенка в безлюдном месте или в холод либо при других обстоятельствах, явно угрожающих жизни и здоровью ребенка, осознает противоправность своих действий, при этом желает ему смерти или сознательно допускает ее наступление либо относится безразлично к наступлению смерти, надеясь на «авось», то содеянное необходимо расценивать как детоубийство с прямым или эвентуальным (косвенным) умыслом. При наличии косвенного умысла, если смерть не наступила, ответственность должна наступать за фактически наступившие последствия. При прямом умысле мать должна отвечать либо по ч. 1 ст. 14 и п. 2 ч. 2 ст. 139 УК как за покушение на убийство заведомо малолетнего, либо по ч. 1 ст. 14 и ст. 140 УК.

Если рассматривать первый случай с оставлением ребенка в неотапливаемом тамбуре, то налицо оставление в опасности, которое должно квалифицироваться только по ч. 3 ст. 159 УК. Объективная сторона преступления представлена в виде смешанного бездействия: мать сама создала опасную для жизни ребенка ситуацию. Умысел на убийство при этом отсутствовал, потому что женщина сознавала, что ребенок будет найден пассажирами.

Таким образом, мать, которая стремится избавиться от ребенка, но при этом, желая сохранить ему жизнь, оставляет его в условиях, которые лишь при определенных обстоятельствах могут быть опасными для жизни, заботится о том, чтобы его быстро обнаружили, будет нести ответственность по ч. 3 ст. 159 УК только в том случае, если ребенка нашли живым. Если же она оставляет ребенка в условиях, когда ничто не угрожает его жизни или здоровью, то вообще не существует повода к возбуждению уголовного дела по ст. 159 УК. Типичным примером может послужить случай, имевший место в 4-й женской консультации г. Минска, когда мать оставила младенца

в часы приема на скамейке процедурного кабинета с запиской, в которой она отказалась от его воспитания [4].

Что же касается второго описанного случая (оставление ребенка возле мусорного контейнера), то для итоговой квалификации необходимо установить время года, погодные условия, имевшие место в тот день, время дня, а также то, во что был одет ребенок. С учетом всех этих обстоятельств делается вывод о квалификации деяний матери, как уже указывалось, либо по ст. 14 и п. 2 ч. 2 ст. 139 УК (или ст. 140 УК), либо по ч. 3 ст. 159 УК.

Можно полностью согласиться с И.И. Гореликом в том, что как убийство следует квалифицировать случаи наступления смерти, когда опасность была создана по неосторожности, после ее возникновения осознана виновной, которая могла, но не оказала помощи ребенку [5, с. 217]. Считаем, что аналогично следует относиться и к наличию косвенного умысла при создании опасной ситуации.

Применение же ч. 2 ст. 159 УК возможно тогда, когда имеет место бездействие, приравненное к действию. Такой вид бездействия присутствует, по мнению И.И. Горелика, когда «оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасной ситуации еще не существует; на бездействовавшем лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до степени возникновения опасной ситуации» [5, с. 217]. Такое происходит, например, когда мать, находящаяся в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, по неопытности теряет, не оказывая новорожденному своевременной помощи из-за боязни причинить вред.

По нашему мнению, ответственность матери должна наступать только при условии возможности оказания матерью такой помощи ребенку, т.е. при наличии:

1) объективных условий: окружающей обстановки, не препятствующей оказанию помощи (психотравмирующая ситуация может препятствовать выработке адекватного алгоритма действий);

2) субъективных условий, т.е. знаний и навыков у матери оказания такой помощи.

При этом нужно помнить, что ч. 2 ст. 159 УК может применяться только тогда, когда ребенок остался жив. Если новорожденный умер и имеется причинная связь между наступлением его смерти и деянием матери, то содеянное должно квалифицироваться по ст. 144 УК.

Возможны случаи, когда смерть ребенка наступает спустя значительное время после оставления его матерью, находящейся в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, в условиях, опасных для жизни. Казалось бы, если смерть ребенка наступила, к примеру, через 30 часов после родов, то не существует оснований, смягчающих ответственность виновной и содеянное надлежит квалифицировать по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК. Представляется, однако, что в таких случаях нужно учитывать тот факт, что действия, направленные на лишение младенца жизни, были совершены до истечения принятого практикой 24-часового срока, когда мать еще находится под влиянием психотравмирующей ситуации, вызванной родами. Поэтому в данной ситуации предлагаем квалифицировать содеянное по ст. 140 УК.

Кроме того, возможна ситуация, когда мать, находясь в особом психофизическом состоянии, вызванном родами, оставляет ребенка в месте, где его обнаружение будет проблематичным (в лесу, на заброшенном кладбище), и затем уклоняется от ответа на вопрос о его местонахождении. Полагаем, что это дает основание для квалификации содеянного по ч. 1 ст. 14 и ст. 140 УК как покушения на убийство.

Однако только как оставление в опасности по ч. 3 ст. 159 УК должны квалифицироваться случаи, когда мать, находясь в условиях психотравмирующей ситуации, после родов оставляет новорожденного с целью избавиться от него, а затем, рас-

кажавшись, сообщает правоохранительным органам о его местонахождении (в том числе анонимно) либо забирает его сама.

Особенности умысла при детоубийстве

В последнее время некоторыми учеными высказывается точка зрения о том, что применение ст. 140 УК возможно только при наличии у виновной внезапно возникшего умысла. С этим согласиться по ряду причин.

Анализ изученных нами уголовных дел, возбужденных по фактам детоубийств, показывает, что во всех случаях такие преступления совершаются именно с заранее обдуманном умыслом. Об этом свидетельствуют следующие обстоятельства: женщины не становились на учет в женскую консультацию, о своей беременности никому не сообщали и тщательно ее скрывали, неоднократно предпринимали попытки избавиться от плода. То есть у таких женщин отсутствует желание иметь ребенка либо изначально, либо оно формируется в процессе вынашивания ребенка, причиной чего является именно психотравмирующая ситуация. Постоянно находясь в состоянии психического напряжения, которое вызывается не только стечением тяжелых жизненных обстоятельств, но и нередко самим физиологическим состоянием – беременностью, женщина частично утрачивает возможность трезво оценивать ситуацию. Основной задачей в это время для будущей матери является поиск выхода из сложившегося положения, поэтому ослабленная, затуманенная эмоциональными и физиологическими перегрузками особо чувствительная в период беременности женщина находит самое простое, как ей кажется, решение: устранить причину страданий – ребенка.

В связи с этим полагаем, что ставить знак равенства между убийством, совершенным в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, и убийством при отягчающих обстоятельствах, необоснованно. Тем более что заранее обдуманный умысел не указан в диспозиции статьи как обязательный признак. Кроме того, внезапно возникший умысел как единственно возможный учитывается лишь при квалификации убийства в состоянии аффекта. Отметим, что аффект как эмоциональная реакция в ответ на провоцирующее поведение потерпевшего и психотравмирующая ситуация роженницы, обусловленная не только самим процессом родов, но и тяжелым стечением личных либо семейных обстоятельств, – понятия кардинально разные. Проводить здесь аналогию недопустимо. Поэтому предлагаем квалифицировать по ст. 140 УК детоубийство, совершенное при наличии любого вида умысла.

Заключение

В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов и судьи зачастую ошибочно квалифицируют как оставление в опасности деяния, по сути являющиеся покушением на убийство, оконченным убийством или неосторожным причинением смерти. Во избежание ошибок такого рода следует учитывать следующее:

1) факт наступления смерти новорожденного не должен влечь ответственность по ст. 159 УК;

2) в случае наличия в деяниях матери, оставившей ребенка в опасном для жизни состоянии, бездействия, приравненного к действию, содеянное надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 159 УК;

3) в ситуациях, когда мать сама по неосторожности или с косвенным умыслом создает опасную для жизни и здоровья ребенка ситуацию (при условии ненаступления смерти), ответственность наступает по ч. 3 ст. 159 УК;

4) наступление смерти новорожденного в результате бездействия, создающего конкретную опасность, следует квалифицировать по ст. 144 УК, а в случае смешанно-

го бездействия – по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК или по ст. 140 УК (при этом дополнительная квалификация по ст. 159 УК не требуется);

5) особое психическое состояние матери при совершении такого деяния, как оставление в опасности новорожденного сразу после родов, должно быть учтено при назначении наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрова, Т.В. Жизнь человека как объект уголовно-правовой охраны в контексте квалификации преступлений / Т.В. Петрова // Веснік Брэсцкага ўн-та. Сер. гуманітарных і грамадскіх навук. – 2003. – № 1(31). – С. 50–54.

2. Бондаков, М.С. Особенности преступного бездействия в теории уголовного права России / М.С. Бондаков // Правовое обеспечение социально-экономического развития Дальневосточного региона. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД РФ. – 2006. – С. 145–148.

3. Власов, Ю.А. Эволюция взглядов на уголовную ответственность за неоказание помощи в российском законодательстве // Науч. вестник Омской высш. школы милиции МВД России. – № 1. – Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД России, 2003. – С. 59–60.

4. О недостатках в правоприменительной практике и прокурорском надзоре по уголовным делам по материалам об оставлении в опасности (ст. 159 УК): Информационное письмо заместителя Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 марта 2003 г.

5. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск : «Вышэйшая школа», 1973.

6. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII : Принята на Республиканском референдуме 24 ноября 1996 г., в ред. Решения Республиканского референдума от 17 октября 2004 года № 1 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999 г. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

7. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 : Принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г., одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011 г. – № 78. – 2/1834.

Fedoruk T.V. Peculiarities of Qualification of the Infanticide under the Criminal Legislation of the Republic of Belarus

This article analyzes the controversies arising in the course of qualification the infanticide (Article 140 of the Criminal Code of the Republic of Belarus). The author proposes criteria for the delimitation of attempted infanticide and abandonment in danger, as well as peculiarities of qualification of the abandonment the newborn at danger, depending on the type of inaction.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 16.03.2011